

На следующий день после развода с Сюй Сичжоу Вэнь Цзинь собрал вещи и переехал в съёмную квартиру в школьном квартале.

Прежний дом ранил душу. Останься он там в одиночестве, то окончательно увяз бы в горьких воспоминаниях.

Вэнь Цзиню требовалось время — чтобы начать всё с чистого листа, чтобы привыкнуть жить без Сюй Сичжоу. И всё же в глубине души он тосковал по коту, который стал живым свидетелем их любви с самых первых дней.

Питомца звали Вайвай. Вообще-то, это было детское прозвище самого Вэнь Цзиня, которое Сюй Сичжоу когда-то в шутку навязал котёнку. За долгие годы имя приросло намертво. Вайвай ни на шаг не отходил от Вэнь Цзиня, и теперь тот невольно задумывался: будет ли любимец скучать без него?

Ведь иные привычки въедаются под кожу, подобно медленному яду. За столько лет они прорастают сквозь кости, и даже если попытаться вырезать их острым клинком, боль от этой раны лишь расползётся шире.

И дело было не только в Вайвае — сам Вэнь Цзинь увяз в этом не меньше.

Он работал учителем и сейчас вёл выпускной класс в Экспериментальной средней школе Наньчэна. До экзаменов оставались считанные дни, нагрузка возросла в разы, так что переезд поближе к работе избавлял от лишней дороги и экономил драгоценное время.

Здесь он преподавал уже пять лет, но этот выпуск был для него особенным — первым, где он выступал в роли классного руководителя.

Рассудительный, отзывчивый и неизменно мягкий, Вэнь Цзинь легко ладил с коллегами, а благодаря утончённой, благородной внешности пользовался искренней любовью учеников.

Преподавал он английский. Его уроки всегда проходили живо и непринуждённо, без лишнего официоза, а за успехи он порой баловал ребят приятными мелочами. И пускай выдающихся педагогических наград он пока не завоевал, руководство школы ценило его подход.

Его класс шёл третьим в рейтинге среди девяти параллелей — результат достойный, без провалов, но и без заоблачных высот. Впрочем, мало кому из молодых учителей удавалось поддерживать в коллективе столь тёплую и живую атмосферу. В кабинете не ощущалось гнетущей паники, обычной перед экзаменами; ребята оставались бодрыми и собранными.

Конечно, Вэнь Цзинь не давал им спуска в учёбе — нагружал заданиями сполна и не упускал из виду даже отстающих, но в повседневных мелочах относился к ним с пониманием и теплотой.

Поскольку Экспериментальная школа была частной, ученики уезжали домой лишь раз в две недели. Чтобы скрасить их будни, по выходным во время вечерней самоподготовки в классах устраивали кинопоказы. Однако в выпускном году большинство классных руководителей прикрыли эту лавочку ради зубрёжки. Один лишь Вэнь Цзинь упрямо продолжал крутить фильмы.

Администрация видела, что успеваемость у его ребят не хромает, а атмосфера в классе замечательная, поэтому закрывала на это глаза.

Но теперь, когда до экзаменов оставалось чуть больше недели, даже Вэнь Цзиню пришлось временно отменить киносеансы, чтобы настроить ребят на нужный лад. Сам он дневал и ночевал в школе, крутился как белка в колесе, выкраивая минуты, чтобы подбодрить запаниковавших учеников и вернуть им уверенность в своих силах.

Им ведь было всего по четырнадцать-пятнадцать лет. Первое серьёзное жизненное испытание неизбежно вызывало страх. Вэнь Цзинь отлично помнил себя в их возрасте, а потому прекрасно понимал их тревогу.

Среда была его законным выходным. Вэнь Цзинь планировал провести этот день в школе, приглядывая за классом, но планы нарушил внезапный звонок от Цзян Синя.

Цзян Синь был его лучшим другом — из тех, с кем дружат с пелёнок. Они не разлучались с самого детства, и лишь в старшей школе их ненадолго раскидало по разным классам. Родители их тоже близко общались, так что за долгие годы парни стали друг другу почти родными.

Вэнь Цзинь до сих пор помнил, как Цзян Синь ворчал, когда он только-только увлёкся творчеством Сюй Сичжоу:

— Здоровый парень, а туда же — фанатеть по поп-идолу. Девчачьи нежности какие-то.

Но когда приближался день рождения Вэнь Цзиня, этот же Цзян Синь тайно брался за любую подработку, копил деньги, а потом обшаривал весь Наньчэн, чтобы достать для друга редкий импортный альбом Сюй Сичжоу.

Когда же Вэнь Цзинь сошёлся с Сюй Сичжоу, Цзян Синь воспротивился этому яростнее всех. Скривив злое лицо, он тогда прямо заявил:

— Ты правда веришь, что нужен ему? Окстись, посмотри на него и на себя! Для этих зажавшихся шишек из шоу-бизнеса мы — обычные люди — просто грязь под ногтями. Они и мараться о нас не станут. На сколько вас хватит? Хватит витать в облаках, разуй глаза!

А перед самой свадьбой он, скрипнув зубами, в сердцах бросил:

— Вот увидишь, Вэнь Цзинь, вы разбежитесь. Готов спорить на что угодно!

Вэнь Цзинь тогда не шутя обиделся, посчитав слова друга жестокими, и они крупно поссорились. Впрочем, вскоре Цзян Синь сам пришёл мириться: притащил свадебный конверт с деньгами и, отводя глаза, неловко и натужно выдавил из себя традиционные поздравления. Настоящая дружба способна пережить и не такие бури — зла друг на друга они не затаили.

С тех пор Цзян Синь больше ни разу не отзывался о Сюй Сичжоу дурно. Да и поводов, честно говоря, не было: до брака Сюй Сичжоу оставался безупречно вежливым и мягким, после свадьбы ни в каких скандалах замечен не был, а к Вэнь Цзиню относился со всей нежностью и заботой.

Как бы сильно Цзян Синь ни недолюбливал зятя, отрицать его искренние чувства к другу он не мог.

Развод они скрывать не собирались — да и какой в этом смысл, всё равно тайное быстро стало бы явным. К тому же Сюй Сичжоу вращался в шоу-бизнесе, где любая новость разлетается мгновенно. Пройдёт неделя-другая, и об их разрыве заговорит вся индустрия.

Сам Цзян Синь тоже крутился около творческой среды. Он оберегал Вэнь Цзиня как зеницу ока, зная его уязвимость, и за действиями Сюй Сичжоу следил пристально. Так что его внезапный звонок не стал для Вэнь Цзиня сюрпризом.

Учитывая предэкзаменационную суету, надолго отлучаться из школы Вэнь Цзинь не мог. Друзья решили встретиться неподалёку, в небольшом сычуаньском ресторанчике.

На работе Вэнь Цзинь всегда придерживался строгого дресс-кода: отглаженная светлая рубашка, классические брюки и тонкие очки в серебряной оправе. Этот сдержанный, но изысканный образ подчёркивал его природную деликатность и аккуратность, располагая к себе с первого взгляда.

Цзян Синь, несмотря на собственную занятость, примчался буквально за десять минут. Когда Вэнь Цзинь подошёл к ресторану, друг уже мерил шагами тротуар у входа, явно не находя себе места. Завидев припозднившегося приятеля, он напустил на себя мрачный вид и, не говоря ни слова, утянул его в отдельный кабинет.

Не успел Вэнь Цзинь даже коснуться стула, как Цзян Синь с размаху грохнул ладонью по столу. От неожиданного стука Вэнь Цзинь вздрогнул и захлопал ресницами, виновато косясь в сторону.

— Вы с Сюй Сичжоу... Какого чёрта произошло? — глухо и грозно спросил Цзян Синь.

Он не стал ходить вокруг да около, сразу перейдя к делу.

Вэнь Цзинь устало потёр лоб и невесело усмехнулся:

— Вообще-то, это я только что развёлся и пришёл за поддержкой. А ты устраиваешь мне допрос с пристрастием.

Цзян Синь стушевался. Он торопливо убрал руку со стола, шумно почесал нос, пытаясь вернуть лицу невозмутимое выражение, и пробурчал:

— Да я... просто испугался, что этот гад тебя обидел.

Вэнь Цзинь грустно улыбнулся:

— Разве он мог меня обидеть?..

— Тогда какого хрена вы развелись?! — вспыхнул Цзян Синь, мгновенно растеряв напускное спокойствие. Его взрывной характер снова взял своё.

Вэнь Цзинь опустил голову, пряча потухший взор, и тихо ответил:

— Наверное, просто... наш лимит исчерпан. Срок годности вышел.

Цзян Синь презрительно фыркнул:

— Ну и что я говорил, когда вы расписывались? Разойдётесь, как пить дать! Вот оно и случилось. Я же просил тебя не связываться с ним всерьёз. Одно дело — погулять, развлечься, но лезть под венец... Семь лет коту под хвост! всю душу ему отдал, лучшие годы на него спустил. И с чем ты остался теперь, а? Что у тебя есть?

Вэнь Цзинь промолчал.

Ведь возразить было нечего.

Он встретил Сюй Сичжоу на заре юности, когда сердце только открывалось навстречу первым чувствам. С тех пор он любил его слепо, истово, точно верующий, обретший своего бога. Весь его мир сошёлся клином на одном человеке. Юность, мятежная и прекрасная пора взросления — всё без остатка принадлежало Сюй Сичжоу.

Но ведь и Сюй Сичжоу подарил ему взамен не меньше.

— Ты не прав, А-Синь, — негромко возразил Вэнь Цзинь. — Это он дал мне слишком много. Из этого брака мы оба вышли с пустыми руками.

Цзян Синь уловил горечь в его голосе и понял, насколько глубока рана. И всё же в его голове не укладывалось: зачем нужно было упрямо идти напролом, зная, что впереди лишь тупик? Стоило ли оно того?

— Кто первый заговорил об этом? — спросил Цзян Синь.

Вэнь Цзинь на мгновение замялся, подбирая слова:

— Сложно сказать. Последние два года всё шло кувырком. Бесконечные разлуки, разные миры, расстояние... Распад назревал давно. Мы оба это понимали, даже если молчали. Но в итоге последнее слово я вытянул из него сам. Так мне... немного легче дышать.

— Но почему? — Цзян Синь в замешательстве покачал головой. — Вы же раньше водой не разлить были, шагу друг без друга ступить не могли. Откуда этот холод? И ты ведь никогда не жаловался, что у вас что-то не так.

Официант принёс горячую воду. Вэнь Цзинь сделал глоток, смачивая пересохшее горло, снял очки и устало потёр переносицу. В его глазах полопались тонкие капилляры — он выглядел смертельно утомлённым. Заставив себя выжать подобие улыбки, он тихо произнёс:

— Да разве тут разберёшь... Наверное, его чувства ко мне просто остыли. А у меня больше нет сил тянуться за ним. Знаешь, А-Синь, ты ведь был прав с самого начала: мы из разных миров. Он стоит слишком высоко, там слишком много слепящего света. Мне туда не взобраться, да и не выдержать этого сияния. Но я не могу быть настолько эгоистом, чтобы требовать от него спуститься ко мне в низину. Верю, что он встретит кого-то под стать себе — того, кто разделит с ним эту высоту.

Цзян Синь долго молчал, переваривая услышанное.

Как бы горячо он ни заступался за друга, судить чужую семью было не в его праве. Они любили друг друга по-настоящему, разошлись тихо, без грязи и скандалов. Какое тут вообще могло быть «но»?

Цзян Синю было безумно жаль друга, он просто хотел стать для него опорой. Родители Вэнь Цзиня развелись, когда тот был совсем крохой. До окончания школы он жил с матерью. И пускай её новый муж относился к пасынку неплохо, со временем у них родились общие дети, и Вэнь Цзинь неизбежно почувствовал себя чужаком в этом доме. Он так и не смог до конца довериться отчиму и считать его родным отцом.

Сейчас у отца и матери были свои новые семьи, свои заботы, и тихий, ненавязчивый сын казался там лишним элементом. Разумеется, никому из них не было дела до его разбитого брака.

Цзян Синь оставался единственным человеком, готовым перегрызть за Вэнь Цзиня глотку. Он слишком хорошо знал эту фанатичную, слепую преданность: даже если бы Сюй Сичжоу в открытую изменял ему, Вэнь Цзинь безропотно снёс бы удар. Именно поэтому Цзян Синь так отчаянно пытался его защитить, не желая, чтобы об его друга вытирали ноги.

Но теперь, выслушав исповедь друга, он почувствовал собственное бессилие. В такие тонкие материи не сунулись бы даже родители.

Цзян Синь натянуто улыбнулся и крепко сжал плечо друга, стараясь говорить бодрее:

— Ну и к чёрту его. Развелись и ладно! Наш А-Цзинь заслуживает самого лучшего, ты ещё встретишь достойного человека.

Вэнь Цзинь отвернулся к окну и со слабой, горькой улыбкой покачал головой:

— Не встречу.

Цзян Синь застыл.

— Лучше него уже не будет.

Сюй Сичжоу. Единственный и неповторимый Сюй Сичжоу.

Узнав такую любовь, разве сможет он посмотреть на кого-то другого?

Больше никого не будет.

Никого, кроме Сюй Сичжоу. Которого больше нет рядом.

<http://bllate.org/book/20019/1990525>